

На правах рукописи

МАТВЕЕВА ПОЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА

**В.В. РАДЛОВ И СТАНОВЛЕНИЕ МУЗЕЯ
АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ (1894–1918)
(ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ)**

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Санкт-Петербург

2013

**Диссертация выполнена в
Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН**

Научный руководитель:

**Е.А. Резван, доктор исторических наук,
заместитель директора по научной работе
Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН**

Официальные оппоненты:

**И.В. Тункина, доктор исторических наук,
директор Санкт-Петербургского филиала
Архива РАН**

**П.И. Погорельский, кандидат исторических наук,
Главный хранитель
Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН**

Ведущая организация:

Санкт-Петербургский государственный университет

**Защита состоится «__» _____ 2013 года в _____ часов на заседании
Диссертационного совета Д 002 123 01 по защите диссертаций на соискание ученой
степени доктора исторических наук при Музее антропологии и этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера) РАН (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3).**

**С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН**

Автореферат разослан «__» _____ 2013 г.

**Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат исторических наук**

А.И. Терюков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук в Санкт-Петербурге обязан своим сегодняшним существованием кроме самого Петра тюркологу мирового значения и выдающемуся организатору науки Василию Васильевичу (Фридриху Вильгельму) Радлову (1837–1918). Вступив на пост директора музея в 1894 г. и критически оценив то положение, в котором последний пребывал многие годы, В.В. Радлов принял неотложное решение: не просто реанимировать старейший музей России, но и создать научный и музейный центр, способный конкурировать с ведущими научными центрами Европы, — *музей общечеловеческой культуры, или объединенный музей антропологии, этнографии и археологии*. Реализация этой идеи стала для него делом всей жизни: стремительными темпами пополняются коллекции, осуществляются экспедиции, выходят в свет пионерские научные работы. Архивы Санкт-Петербурга, Франции и Германии, а также архив и библиотека, отдел учета и хранения МАЭ РАН располагают уникальным и недостаточно исследованным набором материалов о научных достижениях академика В.В. Радлова и тех людей, которые вместе с ним шаг за шагом создавали новый музей, соответствующий ведущим европейским стандартам того времени.

Актуальность работы определяется ролью МАЭ в становлении и развитии отечественной этнографии, важностью истории первого государственного общедоступного музея России для истории отечественного музееведения, необходимостью комплексного анализа ключевого периода в истории МАЭ, связанного с именем В.В. Радлова, важностью изучения неопубликованных источников по этой теме. В настоящем диссертационном исследовании в научный оборот впервые вводятся источники из федеральных и ведомственных архивов Санкт-Петербурга, личных архивов потомков академика В.В. Радлова, использованы материалы музеев и архивов Германии и Франции.

Объектом исследования является Музей антропологии и этнографии (с 1903 г. — им. Петра Великого) петербургской Академии наук в период коренного обновления и радикальных реформ, вызванных научной и музейной политикой возглавлявшего его академика В.В. Радлова, а также сложившейся вокруг него команды единомышленников.

Предметом исследования стали основные направления деятельности В.В. Радлова на посту директора МАЭ, а также сотрудников музея в указанный период, а именно: создание и развитие концепции музея нового типа, история становления творческого коллектива, экспедиции, рост численности коллекций, организация экспозиций, международная политика и обмены, Попечительский совет, введение и развитие института корреспондентов музея на местах, публикации МАЭ, «медийная революция» и создание фотолаборатории, роль МАЭ в становлении и развитии отечественной науки о человеке.

Хронологические рамки исследования в основном очерчены периодом деятельности В.В. Радлова на посту директора МАЭ (1894–1918). В то же время большинство решений, принятых им на этом посту, были основаны на его личном и профессиональном опыте, поэтому хронологические рамки исследования были в ряде случаев расширены, охватив годы жизни В.В. Радлова в целом (1837–1918).

Цели и задачи исследования. Целью работы является выявление ключевых особенностей подхода В.В. Радлова и его единомышленников к созданию музея нового типа, специфики работы его уникального научного коллектива на фоне общественно-политического развития России на рубеже XIX–XX вв. и развития отечественной гуманитарной науки в этот период. Анализ указанных вопросов позволяет на примере развития МАЭ показать основные тенденции в отечественной этнографической науке рубежа веков.

Для достижения поставленной в исследовании цели предполагалось решить следующие **задачи**:

- изучить ранее опубликованные материалы из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН и Российского государственного исторического архива по истории МАЭ рубежа XIX–XX вв., а также комплекс научной литературы по предмету;
- ввести в научный оборот новые материалы из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН по истории МАЭ рубежа XIX–XX вв.;
- впервые представить ранее неопубликованные материалы фотоархива Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН;
- опубликовать новые материалы из личных архивов потомков В.В. Радлова (Казань, Санкт-Петербург) по истории развития музея и биографии академика В.В. Радлова;
- изучить архивные и библиотечные собрания Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, материалы отдела учета и хранения МАЭ РАН;
- ознакомиться с материалами Научного архива Института истории материальной культуры РАН;
- ознакомиться с коллекциями Фонограммархива Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН;
- привлечь к исследованию материалы музеев и архивов Франции и Германии.

Методологическая основа диссертационного исследования. За основу был взят источниковедческий анализ, позволяющий выявить источник, дать его описание, характеристику содержания, провести его изучение и сопоставление с другими материалами.

Источники. Диссертационное исследование основано в первую очередь на архивных источниках. Специальных работ, посвященных комплексному изучению деятельности В.В. Радлова в деле создания *объединенного музея общечеловеческой культуры* до настоящего времени не существует. Основная часть работы заключалась в изучении и отборе имеющихся и выявлении неопубликованных ранее архивных материалов, прежде всего:

- Санкт-Петербургского филиала Архива РАН;
- Научного архива МАЭ РАН;
- Российского государственного исторического архива;
- фотоархива Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН;
- Научного архива Института истории материальной культуры РАН;
- Фонограммархива Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН;
- личных архивов потомков академика Радлова (Казань, Санкт-Петербург);
- медиатеки Музея Бранли, Париж, Франция;
- Национальной библиотеки Франции, Париж, Франция;
- Архива Йенского университета, Йена, Германия;
- Секретного государственного архива прусского наследия, Берлин, Германия;
- а также в изучении некоторых коллекций, библиотечного собрания, материалов отдела учета и хранения Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Автор привлек к исследованию значительный объем имеющейся научной литературы по соответствующей тематике, обзор которой приводится в первой главе диссертационного исследования, однако большинство выводов диссертационного исследования сделано на основе изучения архивных материалов. Они будут впервые обобщены с целью выявления и показа роли В.В. Радлова в истории становления такого уникального для российской науки рубежа веков явления, как *музей общечеловеческой культуры*.

Научная новизна исследования определяется прежде всего тем, что до настоящего времени архивные материалы в качестве источника изучения истории МАЭ на рубеже XIX–XX вв. в период его управления В.В. Радловым *комплексным образом* не привлекались. В данной работе впервые вводятся в научный оборот неизвестные ранее материалы не только из архивов Санкт-Петербурга, Германии и Франции, но и из личных архивов потомков академика В.В. Радлова.

Практическое значение работы определяется введением в научный оборот новых архивных материалов. История МАЭ в радловский период неразрывно связана с историей

возникновения и развития ведущих европейских этнографических музеев, и в этой связи результаты работы важны для анализа этапов становления, источников, структуры и *идеологии* создания этнографических музеев в Европе. Полученные материалы могут быть использованы также для атрибуции музейных коллекций, приобретенных МАЭ в период его руководства В.В. Радловым, и для дальнейших детальных исследований различных аспектов многогранной деятельности академика В.В. Радлова.

Апробация работы. Отдельные положения диссертационного исследования прозвучали в виде докладов на научных конференциях и были опубликованы в виде статей. Заключительный год работы автора над диссертационным исследованием совпал с уникальной возможностью реализовать и пополнить полученные знания в роли модератора большого интернет-проекта, посвященного 175-летнему юбилею В.В. Радлова. Речь идет о блог-конференции «Radloff-2012», для которой на сайте www.livejournal.com был создан аккаунт <http://radloff.livejournal.com/>. В рамках проекта «Radloff-2012», объединившего тех специалистов, чьи интересы связаны с наследием В.В. Радлова, автором исследования в электронном виде были опубликованы следующие материалы: «Могила академика В.В. Радлова на Смоленском лютеранском кладбище»; «Неслучившийся музей» («Тучков буян» в истории МАЭ); «Семья Мейендорф в истории МАЭ»; «Коллекция МАЭ № 429. Китайские весы. От В.В. Радлова»; «Коллекция МАЭ № 451. Предметы культа. Монголия. От В.В. Радлова»; «Коллекция МАЭ № 1033. Китайский вексель. От В.В. Радлова»; «Коллекция № 1166. Этнографические музеи в Нюрнберге и Стокгольме»; «Коллекция МАЭ № 1489. Фигурка Авалокитешвары. От В.В. Радлова»; «Коллекция МАЭ № 1689. Стокгольмский Северный музей и Скансен. Виды Скансена»; «Коллекция МАЭ № 5041. Акварели и рисунки с памятников древностей Алтая»; «Коллекция МАЭ № 5565. Черепа из курганов бронзового периода»; «Коллекция МАЭ № 2479. Орхонская экспедиция. Негативы» (приведены оригиналы названий описей).

Структура работы. Работа состоит из введения, пяти глав, включающих разделы и параграфы, заключения, а также отдельного тома приложений (фотоиллюстрации, описи коллекций, таблицы и диаграммы).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, определяются предмет, цели, задачи исследования, его методология и методика, дается общий обзор архивных источников и литературы.

Глава I. История изучения вопроса и обзор архивных источников

Архивные материалы, рассматриваемые в исследовании, поступили в архивы Санкт-Петербурга, Франции и Германии в разное время и разными путями. Часть материалов была передана в Азиатский музей в 1918–1919 гг., а переписка В.В. Радлова с Императорской археологической комиссией, отчеты о раскопках, чертежи и фотоматериалы хранились в фонде ИАК и оказались в Научном архиве ИИМК РАН. С 1926 г., согласно постановлению Президиума АН, личные фонды академиков концентрируются в Архиве АН, куда в 1936 и 1949 гг. поступил фонд В.В. Радлова¹. В первую очередь это переписка В.В. Радлова с

¹ Основу исследования в части, связанной с богатейшими собраниями СПФ АРАН, составили следующие фонды: Ф. 177. Радлов Василий Васильевич (1837–1918); Ф. 4. Комитет правления АН (1803–1893); Правление АН (1894–1927); Ф. 142. Музей антропологии и этнографии (1879–1933); Ф. 148. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (1903–1921); Ф. 158. Библиотека Императорской АН (1725–1917); а также Разряд Х. К сожалению, в том числе и по техническим причинам, на заключительном этапе подготовки диссертационного исследования автору оказался недоступен целый ряд важнейших документов. В первую очередь речь идет о «Воспоминаниях В.В. Радлова, на нем. языке» (Ф.177. Оп. 1. Д. 68. 11 л.).

западными и отечественными коллегами, документы по истории Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН в период его управления В.В. Радловым (1894–1918).

В рамках совместных исследований автора с проф. Габриэль Циетен, Германия (Gabriele Ziethen, Germany) были, в частности, выявлены письма В.В. Радлова к немецким коллегам, сохранившиеся в Германии. Кроме того, в Архиве Йенского университета и в Секретном государственном архиве прусского наследия в Берлине были обнаружены неизвестные до сего времени биографические материалы, связанные с В.В. Радловым. Это позволило в значительно более полном объеме представить как биографию, так и личностные качества молодого ученого до его приезда в Россию, установить важные обстоятельства, связанные с его обучением в Берлине и получением им степеней доктора философии и филологии, а также детали, связанные с награждением В.В. Радлова немецким орденом *Pour le Mérite*.

В Париже работа проводилась в медиатеке Музея Бранли (материалы по истории всемирных выставок, возникновению Музея Трокадеро и его отношений с ведущими европейскими музеями). Интересные фотоматериалы были обнаружены в Национальной библиотеке Франции.

Ранее не публиковавшиеся материалы хранятся сегодня в фотоархиве Архива востоковедов ИВР РАН. Важным источником информации послужили описи вещевых и предметных коллекций, переданных в МАЭ В.В. Радловым. Их анализ был произведен впервые.

Для того чтобы в полном объеме представить динамику роста коллекций в период управления МАЭ В.В. Радловым, автор использовал данные отдела учета и хранения МАЭ и произвел работу по их структурированию, эти данные также публикуются впервые.

Существенную помощь автору оказали потомки академика В.В. Радлова, в домашних архивах которых оказалось немало уникальных фотоматериалов, а также черновик текста торжественной речи, произнесенной коллегами В.В. Радлова по случаю полувекового юбилея его научной деятельности.

В настоящее время не существует специальных монографий, посвященных изучению деятельности В.В. Радлова по созданию *объединенного музея общечеловеческой культуры*. Рассматриваемая в работе тема до настоящего времени была изучена недостаточно, несмотря на наличие широкого круга опубликованных и неопубликованных источников, которые включают в себя переписку и довольно большой объем делопроизводственных документов.

В задачу автора не входит критический разбор всего обширного корпуса научной литературы, связанной с многогранной деятельностью В.В. Радлова (так или иначе наследие В.В. Радлова может рассматриваться, например, в многочисленных исследованиях по тюркологии, в литературе по археологии Алтая, Сибири и Казахстана, в сочинениях, посвященных Казанскому университету и Азиатскому музею, истории мусульманского образования в Поволжье и т. д.). Значительная по объему и важная по содержанию литература посвящена выдающимся сотрудникам МАЭ, экспедициям, организованным при участии В.В. Радлова. Здесь автор кратко рассмотрит лишь ту часть исследований, которая имеет непосредственное отношение к задачам работы, и выделит ключевые из них.

Изучение деятельности В.В. Радлова, его вклада в историю отечественной науки, его роль в развитии МАЭ было начато еще современниками ученого. Ценные сведения о состоянии МАЭ в разные годы были опубликованы в «Материалах для истории академических учреждений»². Уже после смерти В.В. Радлова его ближайший коллега Л.Я. Штернберг изложил свою точку зрения на проблемы, связанные с работой по созданию такого проекта, как *музей общечеловеческой культуры*, в статье «Этнографический музей Академии наук СССР»³. Важные сведения о музее и его коллекциях рубежа XIX–XX вв.

² Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг., 1917.

³ Штернберг Л.Я. Этнографический музей Академии наук СССР. Л., 1925.

можно найти в монографии Т.В. Станюкович⁴, однако во многих случаях они подлежат переосмыслению и новой интерпретации в свете введения в научный оборот неизвестных прежде архивных материалов. Становлению Музея антропологии и этнографии в период управления им В.В. Радловым посвящена отдельная глава прекрасной монографии Е.Ю. Басаргиной⁵, которая вышла в свет в 2008 г. Статья Е.Я. Люстерник⁶, монография Н.Н. Назирова⁷, сборник «Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века»⁸ и ряд других публикаций позволяют уточнить важнейшие этапы истории и ключевые достижения Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, во многом ставшего «экспедиционным отделом» МАЭ, главная заслуга в создании которого, несомненно, принадлежит В.В. Радлову. Важным аспектам деятельности В.В. Радлова был посвящен ряд статей сотрудников МАЭ. Среди них можно назвать статьи А.М. Решетова⁹, а также серию интереснейших статей Е.С. Соболевой¹⁰. В вышедшем в 2010 г. исследовании Е.А. Артюх «Алтайский период в научной деятельности В.В. Радлова»¹¹, а также в монографии Л.Н. Закировой «Василий Васильевич Радлов. Казанский период деятельности»¹² (2013) прекрасно освещен период, предшествовавший работе В.В. Радлова в качестве директора МАЭ.

Археологические исследования В.В. Радлова — тема большой самостоятельной работы. Во всей своей совокупности они, безусловно, выходят за рамки данного исследования. Вместе с тем, бесценный опыт, который приобрел В.В. Радлов в Сибири, на Алтае, в монгольских и казахских степях, был активно использован им как для организации экспедиционной деятельности МАЭ, так и в ходе планирования и обеспечения работы Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, председателем которого он являлся. Важно, что во многих случаях деятельность комитета осуществлялись при активном участии сотрудников МАЭ, а их результаты обогащали фонды музея¹³.

⁴ Станюкович Т.В. Музей антропологии и этнографии за 250 лет // Сборник МАЭ. Т. XXII. М.; Л., 1964. С. 5–151.

⁵ Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков. М., 2008.

⁶ Люстерник Е.Я. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии // Народы Азии и Африки. Вып. III. Л., 1975. С. 224–232.

⁷ Назирова Н.Н. Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. М., 1992.

⁸ Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века / Под ред. И.Ф. Поповой. СПб., 2008. С. 156–157.

⁹ Решетов А.М. Академик В.В. Радлов – востоковед и музеевед (основные этапы деятельности) // Радловский сборник. Научные исследования и проекты МАЭ РАН в 2002 г. СПб., 2003. С. 95–101; Галерея Петра I в МАЭ: история создания и закрытия // Радловский сборник. Научные исследования и проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб., 2008. С. 463–468.

¹⁰ Особ. см.: Соболева Е.С. Из истории отношений Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) и Гамбургского музея народоведения (конец XIX – начало XX века) // Санкт-Петербург – Гамбург. Балтийские побратимы. СПб., 2007. С. 179–203; Попечительный совет МАЭ в 1909–1914 гг. Роль Ф.Ю. Шотлендера в создании Музея // Радловский сборник. Научные исследования и проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб., 2009. С. 225–231; Братья Ганс и Герман Мейеры как создатели Музея антропологии и этнографии в конце XIX – начале XX веков // Россия и Германия. М., 2011. С. 48–53.

¹¹ Артюх Е.А. Алтайский период в научной деятельности В.В. Радлова. Барнаул, 2010.

¹² Закирова Л.Н. Василий Васильевич Радлов. Казанский период деятельности. Казань, 2013.

¹³ Императорская Археологическая комиссия (1859—1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Научный редактор-составитель А.Е. Мусин, под общей редакцией члена-корреспондента РАН Е.Н. Носова. СПб., 2009. С. 594–602; Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX века). М., 2011. С. 339–340, 347–348.

Глава II. В.В. Радлов как личность. Начало творческого пути

Раздел 2.1. Фридрих Вильгельм Радлов до отъезда в Россию: юность и студенческие годы

Два документа, связанных с дороссийским периодом жизни Ф.В. Радлова, были обнаружены в Архиве Йенского университета¹⁴. После двухлетнего обучения и принятия решения об отбытии в Санкт-Петербург Ф.В. Радлов рассчитывал на скорейшее получение степени доктора философии заочно. Папка с оригиналами документов и подписями преподавателей была отправлена в Россию, а в Йенский университет переслали копии. При этом ни одного экземпляра самой диссертации как в российских, так и в немецких архивах и библиотеках пока найти не удалось¹⁵. В обнаруженных в Германии документах Ф.В. Радлов озвучивает тему диссертации и будущих исследований, сопроводив ее рекомендациями профессоров Берлинского университета. Заочное присуждение степени диссертации прошло в мае 1858 г. максимально быстро.

Впервые публикуемые в работе документы РГИА показывают, что еще в 1857 г.¹⁶ отец Ф.В. Радлова обращался к российским властям с просьбой о предоставлении его сыну стипендии в Петербургском или Казанском университете с целью совершенствования знания восточных языков. В письме Радлов-старший подробно излагает, какими науками занимался его сын, «и в заключение просит о дозволении последнему держать испытание в Дерптском университете на немецком языке, равно как и о пожаловании ему на проезд в Дерпт и обратно единовременного пособия»¹⁷.

Дело было завершено 4 мая 1858 г., и Ф.В. Радлов так и не был зачислен в стипендиаты Факультета восточных языков Петербургского университета, сдача экзаменов в Дерптском университете также оказалась невозможной. Молодой Ф.В. Радлов, как и его отец, с присущей им решительностью и некоторой авантюризмом, решил обратиться к Йенскому университету и озаботиться досрочным получением степени доктора философии.

Кроме того, в ходе работы в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН были обнаружены и впервые публикуются два диплома В.В. Радлова (Йенский (1858) и Дерптский (1868) университеты), свидетельствующие о присуждении ему соответственно степеней *Doctoris Philosophiae Honores* и *Doctoris Philologiae*¹⁸. Важно, что степень *Doctoris Philosophiae Honores* была присуждена 20-летнему Ф.В. Радлову на десять лет раньше степени *Doctoris Philologiae*.

Из имеющихся документов ясно следующее: во-первых, в интересующее автора время семья Ф.В. Радлова не могла похвастаться состоятельностью, во-вторых, Россия, еще с петровских времен охотно приглашавшая на службу толковых иностранцев, была избрана совершенно не случайно в качестве места, где предстояло делать карьеру молодому ученому. Он последовательно стремился именно в Россию, открывавшую перед ним широкие исследовательские возможности.

Молодой человек не принадлежал к академической среде. От отца – комиссара полиции – он унаследовал умение четко обозначать для себя задачи, а потом целеустремленно двигался к их достижению, рискуя и пренебрегая в ряде случаев условностями. Благодаря впервые публикуемым в данном исследовании документам стало возможным установить факты ранней биографии Ф.В. Радлова до его прибытия в Санкт-Петербург и принятия присяги на подданство России 11 мая 1859 г. Многие из этих фактов сыграли самую значительную роль в становлении личности ученого.

¹⁴ Universitätsarchiv Jena, Bestand M, Nr. 358, Bl. 77R, 77V, 78. Латинский язык; Там же, Bl. 76r, 76v. Латинский язык.

¹⁵ Бартольд В.В. Памяти В.В. Радлова. 1837–1918 // Бартольд В.В. Сочинения. Т.9. Работы по истории востоковедения. М., 1976. С. 665–688.

¹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 26. Д. 340. 15 л.

¹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 26. Д. 340. Л. 7–7 об.

¹⁸ СПФ АРАН. Ф. 177. Оп.3. Д. 1. Л. 1–2; Там же. Д. 63. Л. 1.

Раздел 2.2. Прибытие в Россию. Экспедиции, первые научные труды

В 1855 г. в Санкт-Петербургском университете был основан Факультет восточных языков: столица России становилась одним из мировых центров ориенталистики. По инициативе Русского географического общества здесь регулярно снаряжались экспедиции на Восток, возможность принять участие в которых крайне привлекала молодого ученого.

Оказавшись в Санкт-Петербурге, В.В. Радлов смог познакомиться с влиятельными представителями петербургской бюрократии, немцами по происхождению, которые помогли ему в дальнейшей карьере. «По поручению управляющего Кабинетом его императорского величества барона Мейендорфа г. Радлов в течение десяти лет, с 1860 по 1870 г., обязан был в летнее время совершать путешествия в отдаленные места Южной Сибири для изучения языка и быта обитающих там инородцев. О своих путешествиях Радлов ежегодно представлял в Кабинет его императорского величества отчеты, которые и были передаваемы в академию для напечатания в бюллетенях»¹⁹. Судя по письмам Археологической комиссии, В.В. Радлову были выделены «все средства к беспрепятственному выполнению <...> его предприятия»²⁰. «Важными результатами всех этих десятилетних путешествий г. Радлова, обогативших науку интереснейшими исследованиями, было всестороннее изучение быта алтайских калмыков <...> Собранные богатые материалы г. Радлов издал в четырех томах под заглавием “Образцы народной литературы тюркских племен” <...> раскопки курганов, которые в числе 150 и были им исследованы, а найденные в них предметы, вместе с отчетами, представлены им в комиссию»²¹.

В 1872 г. В.В. Радлов был назначен инспектором татарских, башкирских и киргизских школ Казанского учебного округа. Он готовит учителей из татар, разрабатывает методику преподавания, и, учитывая неопытность учителей, лично руководит преподаванием всех предметов, составляет учебники. В.В. Радлов приступил к организации школы для девочек, ему «удалось открыть две учительские школы в Казани и в Уфе, подготовить более тридцати учителей и учредить до сорока народных училищ»²². Вскоре этот аспект многогранной деятельности В.В. Радлова принесет удивительные плоды. Многими его достижениями воспользовались представители мусульманского обновленческого движения *усул-и-джадид*. Стараясь совместить ислам с современной наукой и просвещением на русском языке, они подошли к необходимости реформы ислама в ответ на вызов европейской цивилизации.

В конце 1884 г. В.В. Радлов вернулся в Петербург. В ноябре того же года его избирают ординарным академиком Императорской академии наук и назначают на должность директора Азиатского музея, уже тогда считавшегося одним из значительнейших в мире собраний восточных рукописей. В.В. Радлов смог привлечь к музею внимание частных лиц, благодаря пожертвованиям которых бюджет увеличился в 12 раз. Полученный здесь опыт будет применен им в ходе реорганизации МАЭ.

Раздел 2.3. Назначение директором МАЭ

15 марта 1894 г. прошли выборы нового директора МАЭ. В тот же день академик В.В. Радлов вступает на пост директора Музея антропологии и этнографии.

В последней трети XIX в. МАЭ скорее напоминал «по своей загруженности магазин или хранилище этнографических принадлежностей»²³, во многом это было связано с недостатком финансирования и ограниченностью музейных площадей. Вступив на должность директора, В.В. Радлов отказывается от воззрения на музей как на учреждение, предназначенное для изучения этнографии «преимущественно России», считая его в корне

¹⁹ Эти отчеты, датируемые 1861–1869 гг., хранятся в ИИМК РАН.

²⁰ НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп.1-1862. Д. 4. Л. 7.

²¹ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 503. Л. 106–107.

²² Биккенин Р. Мухаммед-Сафа Биккенин и Василий Васильевич Радлов: из истории первого в Казанской губернии татарского начального училища // Гысыллар авазы-Эхо веков. 2006. Вып. 1. С. 7–13.

²³ Штернберг Л.Я. Музей антропологии и этнографии имени императора Петра Великого // Живая старина. 1912. С. 453–472.

неправильным, и вынашивает проект создания *научного музея общечеловеческой культуры*, достойного столицы великой страны: «Такой музей не только должен дать полную картину отдельных культур самых различных народов, но вместе с тем должен представить все фазы процесса развития и распространения общечеловеческой культуры. Таким образом, территория научного ведения музея – вся эйкумена человека, живой объект изучения – все народы земли»²⁴.

Начиная с 1894 г. и в течение всего периода руководства В.В. Радлов проявил себя как выдающийся организатор науки и администратор. Для решения поставленной задачи было необходимо создать на базе музея *научный центр европейского уровня*, организовать пополнение, регистрацию и научное описание коллекций, создать новую современную экспозицию, обеспечить издание научных трудов. В основу деятельности музея был положен принцип собирания коллекций путем *систематических научных экспедиций*. Это требовало неотложного решения множества проблем, главной из которых была кадровая. В.В. Радлов обладал широкими научными связями в Европе, пользовался уважением в правительственных и деловых кругах, но при этом, являясь человеком подлинно широких взглядов, был готов к нестандартным кадровым решениям. Он не только сам закрывал глаза на политическое прошлое и взгляды коллег, но еще и добивался того же от представителей государства и академической администрации.

Раздел 2.4. Семья В.В. Радлова

Тема, затрагивающая личную жизнь В.В. Радлова и жизнь его семьи, никогда никем из исследователей не поднималась. Историю семьи пришлось воссоздавать по крупицам. В Петербурге и Казани автор встретился с потомками В.В. Радлова, которые любезно согласились поделиться материалами из личного архива и своими воспоминаниями.

Большая и дружная семья В.В. Радлова играла известную роль в научной и культурной жизни столицы. Его потомки, как оставшиеся в России, так и оказавшиеся в Европе, стали достойными гражданами своих стран. Из документов, хранящихся в СПФ АРАН, становится понятно, что сын академика В.В. Радлова Александр Радлов, судя по всему, эмигрировал после революции вместе с женой Ириной Рудольфовной Радловой и дочерью Лилией за границу, а при помощи итальянских коллег удалось выяснить, что их дочь, художница Лилия Радлова (Lilian von Radloff) прожила значительную часть жизни и скончалась в Италии, на о. Искья в Неаполитанском заливе. В приложении к диссертационному исследованию впервые после единственной персональной выставки Лилии Радловой (1984 г.) будут опубликованы некоторые из ее работ.

Глава III. Научный музей общечеловеческой культуры

Раздел 3.1. Создание и развитие концепции музея нового типа - «научного музея общечеловеческой культуры»

На рубеже XIX–XX вв. идея создания *музея общечеловеческой культуры* была осознана целым рядом выдающихся специалистов. Ее реализация стала для В.В. Радлова делом жизни: огромными темпами пополняются коллекции и осуществляются экспедиции, которые во многом были реализованы благодаря «команде» В.В. Радлова, точно так же фанатично приверженной музейному делу, как и он сам. Каждому человеку в этой команде была отведена своя роль. Сам В.В. Радлов, оставаясь выдающимся тюркологом, выступал организатором всего музейного процесса. Его правой рукой стал один из ведущих российских этнографов Л.Я. Штернберг. Концепция *музея общечеловеческой культуры*, как его называли его создатели, или *музея эволюции человека и человеческой культуры*, по-видимому, детально никогда и никем не формулировалась, но эти словосочетания в незначительных вариациях стали своего рода знаменем нового периода в жизни музея и встречаются во множестве документов той поры.

²⁴Там же. С. 454.

В этом отношении интересен черновик текста торжественной речи, которая была произнесена коллегами В.В. Радлова 14 мая 1909 г., в день полувекового юбилея его научной деятельности в России. Документ, переданный потомками академика В.В. Радлова, подробно проанализирован в тексте работы²⁵.

Раздел 3.2. Всемирные выставки как прототипы этнографических музеев

Со второй четверти XIX в. сначала в Европе («La Venus Hottentote»), а затем и в Соединенных Штатах («Wild West Show» of Buffalo Bill), организаторы различных этнических и цирковых представлений («ethnic» and «freak shows») начинают широко эксплуатировать феномен «другого» человека. В этот же период в Лондоне также устраивается большое количество экспозиций «этнического» характера: выставки индейцев (1817), эскимосов (1824), бушменов (1847), зулусов (1853).

Всемирные и колониальные выставки заставили европейцев по-новому взглянуть на мир и стали своего рода толчком к формированию новой идентичности. Технический прогресс, который делал путешествия в самые отдаленные уголки мира все более доступными, развитие фотографии, показ предметов материальной культуры и даже самих «дикарей» дали мощный импульс к пониманию необходимости изучения того, что так долго казалось просто экзотикой. Начиная с 1880-х годов на выставках этого рода все более доминирует Франция, проводившая активную колониальную политику²⁶. В громадном списке выставок этого рода²⁷ особое значение имели парижские выставки 1867, 1878, 1889 и 1900 гг.

Раздел 3.3. Россия на всемирных выставках рубежа XIX-XX вв.

Россия принимала во всемирных выставках активное участие, которое имело свою важную специфику: она представляла «чужих» для Европы, но «своих» для себя. Среди примеров российского участия во всемирных выставках можно привести, в частности, успех «Туркестанского альбома», включавшего более 1200 снимков. В 1875 г. альбом получил высшую награду Международной географической выставки в Париже. Отечественный отдел этой выставки был организован Русским географическим обществом. Необходимо отметить, что социальная направленность и реализм, характерные для русского искусства рубежа XIX–XX вв., определили значительно большую демократичность этнографических фотографий, сделанных в России, по сравнению с западными аналогами того периода, где, несомненно, господствовали колониальные модели.

Раздел 3.4. Музей Трокадеро – Национальный музей Дании – Скансен – МАЭ

Этнографические музеи Европы, выросшие по большей части из придворных кунсткамер и частных собраний, вобрали в себя и важнейший «зрелищный элемент», связанный со всемирными выставками и исторически восходящий к цирку и балагану. Это в полной мере характерно как, например, для МАЭ, так и для парижского Музея Трокадеро, который объединил в себе коллекции ряда кабинетов редкостей. Со второй половины XIX в. целью практически всех европейских этнографических музеев стала иллюстрация эволюции человека и человечества с помощью экспонирования предметов материальной культуры.

²⁵ Matveeva P. The «Khadag» of Radlov (the Unpublished Material from the Personal Archives of the Descendants of the Academician Radlov on the History of «the Museum of Universal Culture») // Manuscripta Orientalia. 2011. Vol. XVII/2. P. 46–53; Матвеева П.А. «Музей общечеловеческой культуры» (еще раз о роли Л.Я. Штернберга и В.В. Радлова в становлении МАЭ) // Материалы Международной конференции «Лев Штернберг – гражданин, ученый, педагог (к 150-летию со дня рождения)». СПб., 2012. С. 22–31.

²⁶ Exhibitions: l'invention du sauvage. Paris, 2011.

²⁷ Одни из самых значительных выставок в интересующий нас период: 1851 – Лондон, Великобритания; 1855, 1867 – Париж, Франция; 1873 – Вена, Австро-Венгрия; 1876 – Филадельфия, США; 1878, 1889 – Париж, Франция; 1893 – Чикаго, США; 1900 – Париж, Франция; 1904 – Сент-Луис, США; 1929 – Барселона, Испания; 1937 – Париж, Франция.

Ознакомительные поездки В.В. Радлова и его коллег в Европу сыграли самую серьезную роль в развитии МАЭ²⁸. Длительное время «локомотивом» развития европейских этнографических музеев были музеи Скандинавии. Французские коллеги взяли за образец работы датских ученых, при этом скандинавы в отличие от французов в первую очередь ориентировались на развитие науки, а пропаганда патриотических чувств была для них менее важна. Кристиан Томсен (Christian Jurgensen Thomsen, 1788–1865), Теодор Ами (Ernest Theodore Hamy, 1842–1908), Поль Ривэ (Paul Rivet, 1876–1958), Жорж Ривьер (Georges Rivière, 1897–1985), Йенс Ворсо (Jens Jacob Worsaae, 1821–1885) и Артур Хазелиус (Arthur Hazelius, 1833–1901) создавали в Европе этнографические музеи нового типа. К этой плеяде, несомненно, принадлежит и В.В. Радлов.

Понятие *музей общечеловеческой культуры* встречается и в русских, и в европейских источниках. На первый взгляд оно делало все европейские музеи идеологически близкими. Однако нельзя забывать, что исторические судьбы России предопределили формирование у населявших ее народов особого типа культуры, объединенной парадигмой «жить вместе, оставаясь разными»²⁹. В то время, когда в Европе господствовала колониальная, имперская направленность, В.В. Радлов осуществил уникальный в своем роде проект под названием *музей общечеловеческой культуры*, имевший при этом важнейшее государственное значение: «Ни одно государство не имеет в своих собственных пределах такого обширного поля для этнографических, доисторических и антропологических исследований, как Россия, вследствие и громадного ее протяжения, и большого числа обитающих в ней разноплеменных народов. Поэтому создание обширного центрального Музея по антропологии и этнографии, куда стекались бы из всех частей государства коллекции и материалы по названным наукам, нигде не представляется столь важным и необходимым, как в России»³⁰.

Глава IV. Период «бури и натиска»

Раздел 4.1. Проблема подбора профессиональных кадров. История становления творческого коллектива МАЭ

Без полноценного научного коллектива реализовать задуманное В.В. Радловым было невозможно. В обстановке острейшего дефицита научных кадров он нашел решение проблемы: костяк научного коллектива МАЭ составили ссыльные демократы. Не имея специального образования, но долгие годы соприкасаясь с культурой и бытом местного населения, они постепенно становились первоклассными специалистами в области этнографии. В.В. Радлов не просто решил проблему научных кадров, но сделал это так, что МАЭ того периода стал одним из «законодателей мод» и в отечественной, и в мировой этнографии.

Славу и гордость научного коллектива МАЭ, отечественной этнографической науки в целом составили люди с революционным прошлым: Л.Я. Штернберг (1861–1927), Д.А. Клеменц (1847–1914), С.М. Дудин (1863–1929), Э.К. Пекарский (1858–1934), В.И. Иохельсон (1855–1937), Б.О. Пилсудский (1866–1918), В.Л. Серошевский (1858–1945), В.Г. Богораз (1865–1936). Они принесли в отечественную науку демократические убеждения, зачастую столь отличные от убеждений их западных коллег.

Раздел 4.2. Экспедиционная деятельность

Участниками XII Международного конгресса востоковедов стали ученые из 28 стран. Россию представляли В.В. Радлов, Д.А. Клеменц, К.Г. Залеман, С.Ф. Ольденбург. В.В. Радлов стал президентом VII секции конгресса, посвященной изучению Центральной Азии. Свой

²⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 145. Д. 123. Л. 31.

²⁹ Резван Е.А. В зеркале времени: диалог культур в «русском мире». Каталог фотовыставки. СПб., 2012. С. 3–13.

³⁰ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 33. Л. 7.

доклад он посвятил результатам экспедиционной работы в Турфане, во время которой Д.А. Клеменцем были обнаружены ценнейшие уйгурские рукописи.

Изучение истории и культуры этого региона было признано исключительной научной задачей, выполнение которой было возможно лишь путем консолидации международных научных усилий. Для решения задачи под председательством В.В. Радлова была создана временная комиссия из представителей различных стран. В.В. Радлов, прекрасно понимавший громадное значение Восточного Туркестана для мировой науки, сделал все, чтобы вдохнуть жизнь в этот проект. Ему принадлежит сама идея учреждения Международной ассоциации во главе с Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии, при его активном участии были выработаны и сформулированы устав и рабочие органы союза. В итоге Русский комитет, ставший благодаря В.В. Радлову «экспедиционным отделом» МАЭ, стал учреждением, сыгравшим одну из главных ролей в выработке общего плана изучения Центральной Азии. Благодаря работе серии экспедиций МАЭ фонды музея, отечественная и мировая наука обогатились ценными материалами.

В.В.Радлов инициировал переход к реализации принципа целенаправленного собирания коллекций путем научных экспедиций и командировок лиц, предварительно подготовленных к такой деятельности в самом музее. Такие экспедиции предпринимались либо самостоятельно музеем, либо совместно с другими учреждениями или частными лицами. В период с 1897 по 1913 г. МАЭ предпринял ряд самостоятельных экспедиций: Г.М. Осокина (Монголия, 1897), П.Е. Островских (Енисейская губ., 1898), С.М. Дудина (Казахская степь, 1899), П.К. Саминова (о-в Эзель, 1899), Б.О. Пилсудского (Сахалин, о. Есо, 1902–1904), В.Л. Серошевского (Маньчжурия, о-ва Есо, 1902), В.Н. Васильева (Туруханский край, Якутская область, 1904–1908), В.И. Каменского (Нижегородская, Костромская губ., 1907–1908), А.В. Журавского (Печерско-Мезенский край, 1906–1908), В.В. Святловского (Австралия, Северная Америка, 1908), А.В. Фрича (Южная Америка, 1910–1911), А.А. Ромаскевича, В.А. Иванова (Персия, 1912–1913). В 1913 г. музей посылает в научную экспедицию в Эфиопию 27-летнего поэта Николая Гумилева, в 1914–1915 гг. организуется экспедиция в Южную Америку, членами которой стали пять студентов (Г.Г. Манизер, Ф.А. Фиельструп, И.Д. Стрельников, Н.П. Танасийчук, С.В. Гейман). Проект поддержал нефтепромышленник Э.Л. Нобель, член Попечительского совета МАЭ. Маршрут экспедиции проходил через Аргентину, Бразилию, Парагвай, Боливию, Чили, а отчету II Российской Южно-американской экспедиции была присуждена Серебряная медаль Русского географического общества.

Раздел 4.3. Рост численности коллекций и их регистрация, введение и развитие института корреспондентов МАЭ на местах

Одной из самых неотложных задач, к решению которых немедленно приступил В.В.Радлов, была регистрация коллекций: «Музей в то время имел до 28 000 предметов <...> Весь этот материал оставался незарегистрированным <...> При наличии одного только консерватора и при отсутствии денежных средств все попечение о музее сводилось лишь к сохранению в целостности имевшихся коллекций и к выставлению их для обзора публики»³¹. На реорганизацию МАЭ в этом отношении и совершенствование экспонирования ушло два года.

Для того чтобы показать взрывообразную динамику роста численности коллекций и предметов, автором был проведен комплексный анализ данных отдела учета и хранения МАЭ РАН, впервые публикуемый в исследовании. В целом, если брать период с 1894 г. (год избрания В.В. Радлова директором музея) по 1914 г. (начало Первой мировой войны), то коллекции музея возросли почти в пять раз, площади – в четыре раза.

³¹ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп.1 (до 1918). Д. 45. Л. 3.

Весь период управления музеем В.В. Радлов придерживался последовательной политики, направленной прежде всего на увеличение числа коллекций. Во многом именно для этого был введен институт корреспондентов на местах.

Раздел 4.4. Международная политика и обмены, МАЭ как международный научный центр

При В.В. Радлове МАЭ начал активное сотрудничество с ведущими этнографическими музеями мира. С начала XX в. и вплоть до Первой мировой войны был проведен ряд обменов коллекциями, в результате которых МАЭ получил несколько тысяч предметов по культуре народов Америки, Африки, Австралии и Океании, Юго-Восточной Азии. Именно благодаря политике В.В. Радлова, включавшей в себя в том числе межмузейный обмен, МАЭ стал единственным специализированным музеем России, посвященным этнографии народов всего мира. Ученые МАЭ принимали самое активное участие в международных научных проектах, часто инициировали и курировали их, а их иностранные коллеги нередко становились участниками экспедиционных проектов, задуманных в МАЭ. Без преувеличения можно сказать, что при В.В. Радлове МАЭ стал признанным *международным научным центром*.

Раздел 4.5. Новый музей, комплекс мер по его расширению, структура и организация экспозиций, создание Этнографического отдела Русского музея императора Александра III

В конце 1902 г. В.В. Радлов просил Историко-филологическое отделение Императорской академии наук возбудить ходатайство о переименовании МАЭ в Музей антропологии и этнографии им. императора Петра Великого. Новое название способствовало расширению масштабов деятельности музея, но одновременно повышало уровень требований к организации всех процессов, происходивших в нем.

В «Записке о расширении помещения музея, концентрации всех этнографических коллекций и о создании Единого государственного этнографического музея» В.В. Радлов пишет: «Ныне, вследствие постройки, для ученых потребностей академии нового флигеля (по Таможенному переулку), представилась, наконец, возможность надлежащим образом выставить и разместить хранившиеся дотол в академии этнографические коллекции, и тем положить начало образованию и у нас такого этнографического музея, который соответствовал бы значению и мог бы стать наряду с первостепенными заграничными музеями этого рода»³². С расширением площадей МАЭ обрел новую жизнь.

Все годы В.В. Радлов проявлял небывалую находчивость в изыскании средств на благоустройство музея. Он активно способствовал созданию Этнографического отдела Русского музея, рассчитывая на то, что новый музей рано или поздно станет частью МАЭ. Этой идее не суждено было реализоваться: специальная комиссия разделила сферу деятельности двух музеев. В частности, было решено, что «назначение академического музея состоит в том, чтобы в тщательно подобранных этнографических объектах из быта самых различных племен и народов представить более или менее полную картину и материал для изучения эволюции человеческой культуры, начиная с доисторического периода и кончая высшими культурами современности. Что касается Этнографического отдела Музея Александра III, то, судя по тому, что в своей деятельности он ограничивается исключительно Россией и прилегающими странами, то является музеем территориальным; по этому самому цель его – скорее практическая, патриотическая <...> музеи не конкурируют и в финансовом отношении. Академический музей в течение своего долгого существования поддерживается главным образом пожертвованиями членов академии и привлеченных или сочувствующих лиц. Только в 1892 г. музей добился суммы в 3000 р. на приобретение коллекций, но и эта скудная сумма, ввиду общей скудности средств, расходовалась по другим статьям бюджета, и новые коллекции в последние годы по-прежнему получались исключительно в виде дара

³² СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 34. Л. 1–1 об.

сочувствующих целям музея лиц. Между тем Музей императора Александра III обладает ежегодной суммой в 40 000 р. на приобретение коллекций»³³.

В ряду многих замечательных проектов В.В. Радлова, которым по ряду объективных причин было не суждено осуществиться, находится и идея создания Памятного музея императора Петра Великого, призванного в одном здании объединить музейное, художественное и библиотечное наследие, связанное с именем основателя Петербурга, и стать важным общегородским просветительским центром. Местом объединения этих коллекций В.В. Радлов выбрал Тучков буян.

В.В. Радлов осмотрел ряд дворцов и музеев и пришел к заключению, что открытие нового музея возможно при условии, если в его основу будет положена Петровская галерея Эрмитажа, составленная в 1843 г. из предметов, взятых главным образом из Кунсткамеры, Академической библиотеки и других учреждений. Так и не дождавшись окончательного решения относительно судьбы Тучкова буяна, В.В. Радлов добился размещения коллекции в МАЭ. 21 мая (3 июня) 1912 г. состоялось торжественное открытие нового помещения на третьем этаже и освящение памятного Петровского отдела, а в 1914 г. музей посетил император.

Раздел 4.6. Попечительский совет

До 1898 г. музей располагал бюджетом в 2650 рублей. К 1912 г. бюджет МАЭ вырос почти в 13 раз, но этих денег катастрофически не хватало.

«Музеи уже давно перестали служить кабинетами редкостей, удовлетворяющими одну только любознательность случайной публики <...> всякому музею, если он желает стоять на научной высоте <...> приходится иметь большие суммы на расходы, которые не могут быть предусмотрены никакими штатами. Единственный выход из этого положения – правильно организованное участие общественного элемента в благоустройстве музеев, в виде законом утвержденного института попечителей и соревнователей»³⁴, – напишет в 1904 г. В.В. Радлов в разработанном им же «Проекте положения о попечительных советах при музеях Императорской академии наук».

Создание Попечительского совета (он функционировал с 1909 по 1917 г.) позволило привлечь к благоустройству музея благотворителей, которые внесли существенный вклад в его развитие, решение важнейших задач его научной и экспедиционной деятельности. В.В. Радлов предложил Историко-филологическому отделению Академии наук награждать орденами крупных жертвователей. Средства на возведение третьего этажа здания (70 000 рублей) были пожертвованы инженером Ф.Ю. Шотлендером, а в 1910 г. д-р Герман Мейер внес 6000 рублей на переоборудование музея, необходимое вследствие возведения третьего этажа. Его брат Ганс Мейер в общей сложности пожертвовал более 17 000 рублей, которые пошли на оплату экспозиционных шкафов и экспедиций.

Документы показывают, что в состав Попечительского совета входили, как правило, люди, имевшие связи как в России и Германии, так и в кругах немецкой по происхождению бюрократии Петербурга. Они могли обеспечить как финансовую, так и организационную поддержку проектов музея. Во многих случаях, как и при подборе научного персонала музея, В.В. Радлов руководствовался здесь личными пристрастиями и связями. В целом об успешности этого проекта говорит то, что за первые четыре года существования Попечительский совет принес музею до 136 000 руб. Государственный и благотворительный бюджеты практически сравнялись.

³³ Там же. Д. 55. Л. 15–16 об., 19.

³⁴ Там же. Л. 51.

Раздел 4.7. МАЭ как научный и учебный центр, публикации МАЭ

Именно в период управления В.В. Радловым МАЭ становится учебным центром. Л.Я. Штернберг читает в нем лекции по этнографии. Сам В.В. Радлов создает кружок, объединивший талантливую молодежь. Среди постоянных участников занятий кружка – С.Е. Малов (1880–1957), вскоре ставший преданным учеником и научным последователем В.В. Радлова. Экспедиции С.Е. Малова в Туркестан (1909–1911 гг. и 1913–1915 гг.) оказались необычайно продуктивными. Осуществленная В.В. Радловым и С.Е. Маловым публикация древнеуйгурской рукописи «Золотой блеск» (*Алтын йарук*) стала одним из важнейших событий мировой науки той поры. Заложенную В.В. Радловым тюркологическую традицию блестяще продолжила Н.П. Дыренкова (1899–1941), ученица С.Е. Малова, Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза. Выдающийся этнограф-фольклорист, она вслед за своими учителями собирала материал для научных работ, в первую очередь в поле. Н.П. Дыренкова — автор нескольких грамматик тюркских языков народов Сибири, серии статей по шаманству, традиционному мировоззрению и социальной организации народов Алтая.

В МАЭ возникает *научная школа*, впоследствии получившая название Ленинградской школы этнографии. В 1900 г. МАЭ начинает выпуск «Сборника Музея по антропологии и этнографии»: всего до 1917 г. вышли четыре тома (более двадцати выпусков) этого издания. Под редакцией сотрудников музея выходят в свет разнообразные каталоги и путеводители.

Раздел 4.8. «Медийная революция» и создание фотолаборатории

Фотолаборатория МАЭ была оснащена лучшей техникой, в том числе для работы в поле. Музей стремился использовать в своей работе самые последние технические достижения: например, для экспедиции Мервартов, которые прошли специальный курс обучения, были приобретены новейшие по тем временам приборы – киноаппарат и фонограф.

Исследователи этого периода считаются основоположниками аудиоэтнографии, они стали первыми учеными, которые осуществили звукозаписи образцов языка и фольклора разных народов. Фонографы активно использовали такие ближайшие сподвижники и ученики В.В. Радлова, как Л.Я. Штернберг, В.И. Иохельсон, С.Е. Малов.

Глава V. Неопубликованный документ из Архива МАЭ

В период работы над диссертационным исследованием в фондах МАЭ был обнаружен рукописный документ³⁵, не публиковавшийся ранее. Время создания (после 1918 г.) устанавливается по содержанию документа. Вверху первой страницы имеется надпись «С.А. Штернберг. Предполагавшаяся статья для сборника. За годы разрухи забыли про нее. С. Штернберг». Документ дает полную картину существования и развития МАЭ в сложнейшие годы (1915–1917 гг.), когда коллективу, созданному В.В. Радловым, удалось не только сохранить музей, но и обеспечить его развитие. Он наглядно доказывает, что взрывообразная динамика развития МАЭ не прекращалась даже в самые трудные для страны годы: в музей продолжали поступать коллекции, пусть и не в таком объеме, как до Первой мировой войны, шла работа по подготовке кадров для их сбора на местах, не прекращалась просветительская деятельность.

³⁵ Автор выражает искреннюю благодарность Главному хранителю МАЭ РАН П.И. Погорельскому за обнаруженный и предоставленный для изучения и публикации документ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1930-е годы, в том числе и на волне интереса к марксистской науке, французские организаторы науки Поль Риве (Paul Rivet) и Жорж Ривьер (Georges Rivièrè) при создании парижского Музея человека будут ориентироваться в первую очередь на ленинградский Музей антропологии и этнографии и даже пытаться установить с ним обмен³⁶. «Цель музея нового типа – не просто показывать предметы материальной культуры – как это делалось в XIX веке, но демонстрировать единство всей эйкумены человека и в то же время разнообразие ее форм, панораму эволюции и деятельности человека»³⁷.

В 20-е годы Л.Я. Штернберг напишет, что нынешний академический Музей антропологии и этнографии вместе со своим археологическим отделением является *единственным в СССР музеем общечеловеческой культуры*. Однако по ряду причин этот проект так и не был реализован в полном объеме.

В заключении подводятся итоги проделанной работы и содержатся выносимые на защиту положения:

1. В совокупности материалы музейных и архивных собраний Санкт-Петербурга, Парижа и Берлина представляют важнейший и до сих пор не до конца использованный источник по истории МАЭ. Документы из российских, немецких и французских архивов и библиотек позволили впервые представить МАЭ рубежа XIX–XX вв. в виде единственного в своем роде проекта под названием «музей общечеловеческой культуры». Этот проект развивался в самой тесной связи с ведущими европейскими этнографическими музеями. В результате МАЭ стал впоследствии «единственным в СССР музеем общечеловеческой культуры», послужившим, в частности, образцом для реорганизации французских музеев (Музей человека в Париже). Комплексно обработанные и сведенные в диаграммы и таблицы данные отдела учета и хранения МАЭ позволили автору в полной мере представить взрывообразную динамику развития МАЭ в период с 1894 по 1914 г.

2. Особенности ранней биографии В.В. Радлова сыграли важную роль в его последующей деятельности. Молодой человек не принадлежал к академической среде, от отца – комиссара полиции – он унаследовал умение четко обозначать для себя цели, пренебрегая в ряде случаев условностями. Это нашло свое отражение и в истории с защитой им диссертации в Йене, и в методах работы по переустройству музея, организации экспедиций, подбору кадров.

3. Анализируя кадровые решения В.В. Радлова, нельзя не обратить внимание на целый ряд их особенностей. Во-первых, бросается в глаза крайняя «политическая неблагонадежность» новых сотрудников – по большей части это революционеры, сосланные в Сибирь. Это не помешало В.В. Радлову создать мощный Попечительский совет, в состав которого входил ряд высокопоставленных персон, и привлечь к сотрудничеству с музеем людей аристократического происхождения. Создание с помощью бывших политических ссыльных научного коллектива учреждения, связанного с реализацией государственных идеологических задач, кажется, на первый взгляд, авантюрой. В то же время такое решение целиком и полностью соответствовало характеру В.В. Радлова, любившего и умевшего находить необычные «авантюрные» решения проблемы там, где это казалось абсолютно невозможным. Во-вторых, можно говорить о личной заботе В.В. Радлова практически о каждом из сотрудников, о его активном участии в решении их сложных жизненных проблем. В-третьих, знаменательно то, что значительная группа сотрудников начинала свою работу в музее безвозмездно. Важно отметить также, что в МАЭ работало несколько супружеских пар, а дети охотно шли по стопам родителей. Как видно, кадровая политика В.В. Радлова

³⁶ Grognet F. Le concept de musée. La patrimonialisation de la culture des «autres». D'une rive à l'autre, du Trocadero à Branly: histoire de metamorphoses. Thèse de doctorat en Ethnologie en deux volumes dirigée par Jean Jamin. Paris, 2009. P. 366.

³⁷ Ibid. P. 378.

носила глубоко «личный» характер. В музее в основном работали его друзья, люди, обязанные ему лично очень многим. Его стараниями в музее возникла особая атмосфера, притягивавшая множество талантливых людей. Динамичность В.В. Радлова, масштабность поставленных им задач, смелость выбора путей их решения — все это делало работу с ним чрезвычайно интересной. Далекое не случайно то, что именно МАЭ дал основной кадровый состав для создания другого этнографического музея в Петербурге – Этнографического отдела Русского музея императора Александра III.

4. Анализ биографий членов Попечительского совета показывает, что во многих случаях, как и при подборе научного персонала музея, В.В. Радлов руководствовался собственными пристрастиями и связями. Здесь были его деловые партнеры, ставшие во многих случаях его добрыми знакомыми. В этом отношении состав Попечительского совета, в который входили столь разные люди, как, например, князь А.Г. Романовский и социалист В.В. Святловский, может служить своеобразным «срезом» круга общения самого В.В. Радлова.

5. Материалы из личных архивов потомков академика В.В. Радлова, которые прежде не привлекались и не публиковались, помогли представить его как личность в его взаимосвязи с социальными условиями, определявшими его жизнь в разные периоды. Редкие текстовые, а также фотоматериалы впервые публикуются в данном исследовании.

6. Параллельно с диссертационным исследованием при активном участии автора был реализован первый в своем роде проект – научная блог-конференция «Radloff-2012», призванный объединить всех тех, кто так или иначе связан с изучением наследия В.В. Радлова. В течение года промежуточные результаты диссертационного исследования регулярно публиковались автором на страницах интернет-проекта «Radloff-2012», что автоматически обеспечивало экспертизу публикуемых материалов. Принципиально важно то, что заинтересованные коллеги получили в рамках проекта дополнительные сведения, стимулировавшие проведение научных исследований по смежным дисциплинам. Результаты последних в свою очередь использовались автором данного исследования. В целом проект стал своего рода стимулом к написанию новых работ об академике В.В. Радлове, а также интерпретации уже опубликованных материалов в их связи с абсолютно новыми данными из российских и европейских архивов.

Таким образом, можно утверждать, что *комплексный подход к изучению архивных источников* из России и ряда европейских стран, определявшийся введением в научный оборот большого количества архивных материалов и заявленный автором как ключевой, позволил показать специфику работы научного коллектива МАЭ на рубеже XIX–XX вв., уникальные особенности подхода В.В. Радлова к созданию музея нового типа (*научный музей общечеловеческой культуры*), а также ввести в научный оборот этот термин. Во многом такой подход к исследованию был неразрывно связан с изучением истории развития ведущих европейских этнографических музеев. В этой связи промежуточные результаты работы стали важны для анализа всех этапов становления *идеологии* создания как этнографических музеев Европы, так и петербургского Музея антропологии и этнографии. Полученные в ходе работы материалы в дальнейшем могут быть использованы как самостоятельно, так и для атрибуции музейных коллекций, приобретенных МАЭ в период с 1894 по 1918 г., и детальных исследований различных аспектов многогранной деятельности академика В.В. Радлова.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Основные положения диссертационного исследования были представлены в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых журналах:

1. Matveeva P. The «Khadag» of Radlov (the unpublished material from the personal archives of the descendants of the academician Radlov on the history of «the museum of universal culture») // Manuscripta Orientalia. 2011. Vol. XVII/2. P. 46–53.
2. Matveeva P. From «zoo humaine» to ethnographic museum (Christian Thomsen, Jens Worsaae, Arthur Hazelius, Ernest Hamy, Freidrich Radloff) // Manuscripta Orientalia. 2012. Vol. XVIII/1. P. 45–58.
3. Матвеева П.А., Резван Е.А. «Камень на дороге времени» (к 175-летию В.В. Радлова, 1837–1918) // Урало-алтайские исследования. 2012. № 1 (6). С. 182–193.

Статьи и тезисы научных докладов:

4. Матвеева П.А. От Кунсткамеры до МАЭ: еще один взгляд на экспозицию // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб., 2010. С. 147–151.
5. Матвеева П.А. В.В. Радлов и МАЭ: некоторые аспекты финансирования музейной деятельности // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб., 2011. С. 85–89.
6. Матвеева П.А. Музей общечеловеческой культуры» (еще раз о роли Л.Я. Штернберга и В.В. Радлова в становлении МАЭ) // Материалы Международной конференции «Лев Штернберг – гражданин, ученый, педагог (к 150-летию со дня рождения)». СПб., 2012. С. 22–31.
7. Матвеева П.А. Судьба семьи Радловых в России// Радловский сборник. К 175-летию со дня рождения В.В. Радлова. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб., 2012. С. 6–14.
8. Матвеева П.А. Сестры Мейендорф и МАЭ // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 7. СПб., 2013. С. 181–186.
9. Матвеева П.А. К предварительным итогам блог-конференции «Radloff-2012» // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013.

В 2012 г. в рамках проекта «Radloff-2012» автором исследования были опубликованы следующие статьи (электронные публикации):

10. Матвеева П.А. Коллекция МАЭ № 429. Китайские весы. От В.В. Радлова <<http://radloff.livejournal.com/22573>>.
11. Матвеева П.А. Коллекция МАЭ № 451. Предметы культа. Монголия. От В.В. Радлова <<http://radloff.livejournal.com/22473>>.
12. Матвеева П.А. Коллекция МАЭ № 1033. Китайский вексель. От В.В. Радлова <<http://radloff.livejournal.com/22870>>.
13. Матвеева П.А. Коллекция № 1166. Этнографические музеи в Нюрнберге и Стокгольме <<http://radloff.livejournal.com/20740>>.
14. Матвеева П.А. Коллекция МАЭ № 1489. Фигурка Авалокитешвары. От В.В. Радлова <<http://radloff.livejournal.com/23215>>.
15. Матвеева П.А. Коллекция МАЭ № 1689. Стокгольмский Северный музей и Скансен. Виды Скансена <<http://radloff.livejournal.com/21438>>.
16. Матвеева П.А. Коллекция МАЭ № 5041. Акварели и рисунки с памятников древностей Алтая <<http://radloff.livejournal.com/20994>>.

17. Матвеева П.А. Могила академика В.В. Радлова на Смоленском лютеранском кладбище <<http://radloff.livejournal.com/18088>>.
18. Матвеева П.А. Неслучившийся музей («Тучков буян» в истории МАЭ) <<http://radloff.livejournal.com/19617>>.
19. Матвеева П.А. Семья Мейендорф в истории МАЭ <<http://radloff.livejournal.com/19348>>.
20. Матвеева П.А. Коллекция МАЭ № 5565. Черепа из курганов бронзового периода <<http://radloff.livejournal.com/27090>>.
21. Матвеева П.А. Коллекция МАЭ № 2479. Орхонская экспедиция. Негативы <<http://radloff.livejournal.com/27274>>.